

Кристина
Черухина

Как я ~~не~~ стала
писательницей

Кристина Черухина

Как я (не) стала писательницей

<https://litres.ru/74574219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли считать себя писателем, если нет ни одной публикации и читателя? Честная и самоироничная история о попытке закончить хотя бы одну книгу, пока внутренний критик требует шедевр. Для тех, кто тоже откладывает любимое дело до момента, когда станет идеальным.

Кристина Черухина

Как я (не) стала писательницей

Как я не стала писательницей

©2026 Кристина Черухина

Как же назвать мне все это — «Досье»? «Записки одного литератора»?

«Сочинение на вольную тему»? Разве это важно? Книга-то невидимая...

Довлатов, «Ремесло».

Рефлексия вместо предисловия

«По вашей жизни можно написать книгу», — говорит мне психолог. Мысленно закатываю глаза, а в лицо улыбаюсь и благодарю: я хорошая девочка или кто? Она самая, со стажем в 35 лет. Но точно не писательница.

Не могу так себя назвать, потому что чаще всего творила не для кого-то, а для себя. Высвобождала душу, опорожняла голову, выплескивала чувства и эмоции или просто фикси-

ровала свою жизнь — цели были разные, а средство — одно. Да, у меня была сложная разнообразная жизнь с элементами бразильского сериала, да, я пишу с десяти лет, да, я училась на филфаке, да, работаю копирайтером, прошла писательские курсы и на моём ноутбуке есть целая папка с моими опусами. К этому моменту накопились дневники, стихи, с десятков сырых рассказов, несколько незавершённых романов, одна пьеса и сценарий неснятого полнометражного фильма. Ну и кто я с этим всем? Графоман в мантию? Но и любители выглядят солиднее меня — надо же находить в себе силы каждый день писать без остановки. А я могу месяцами трогать клавиатуру и ручку только ради рабочих проектов.

Наверное, больше всего меня гложет тот факт, что я долгие годы писала много разного, а по итогу у меня нет самого главного атрибута признанного писателя — изданной книги. Если собрать в один файл все мои труды, то выйдет нечто с приличным количеством знаков. Но не цельное гениальное произведение, за которое дадут Нобелевскую премию по литературе. Вот. Вот оно. Причина моей неизданности и нереализованности — мне либо всемирную славу подавай, либо ничего. Именно поэтому я остаюсь в тени и не делюсь творчеством с миром, что даёт мне право не завершать, не доводить до логического финала. Кто знает, может, и эту книгу я не допишу. Выложу как есть и обломаю читателя многоточием. Но нет. Всё же я решила поставить жирную точку на прокрастинации.

Сейчас конец января 2025 года, и я обещаю, что напишу книгу за год. Только какую? Роман-антиутопию? Фантастическую повесть? Сборник сказок? Всё кажется привлекательным, но, пожалуй, чтобы впервые довести книгу до конца, я начну с самого начала и заново проживу моменты творчества от первых прочитанных слов. Я перечитаю мои дневники, первые стихи, заметки на полях, недоделанное и незавершенное, чтобы посмотреть на себя со стороны и разглядеть важное, найти опору в моей истории и описать её настолько честно, насколько хватит смелости.

Здесь не по правилам буду я вся. Моё травматичное детство, моя родня, которую, возможно, назовут абьюзерами, мои сумбурные мысли и метания.

И книга явно не будет шедевром, потому что её писала сама жизнь. Но я надеюсь, что в итоге смогу сказать: «Да, Кристина, ты это сделала, твоя первая книга готова».

Глава 1. Как меня читать учили

Мало кто знает, что научиться читать можно всего за полчаса. У меня получилось, например. Но прежде чем эта магия свершилась и я открыла для себя бесконечную вселенную литературы, моим друзьям, родственникам и учителям пришлось потратить некоторое время на унижение моего достоинства.

А началась эта история в одной краснодарской станице, где я провела часть раннего детства и все мои летние кани-

кулы в студенчестве. Здесь жили мои бабушка и дедушка. К шести годам я умела пасти гусей, кормить весь скот, тяпать и поливать огород, очень мокро мыть пол и делать бутерброды с маргарином. Но читать ещё не научилась, зато соседская девочка Алёна уже ходила в школу и вызвалась побыть моим репетитором. Под надзором бабушки, конечно. Память моя зафиксировала, как я пытаюсь распознать букву Б, Алёна кричит «Б — баран», а бабушка язвительно замечает, что баран — это я. Мои Макаренко довольно быстро сдались и решили, что уж в школе точно научат читать по всем правилам.

Я радостно сходила на первое сентября, а через пару недель другая бабушка увезла меня в Магаданскую область. Нет, я не села по малолетке за убийство гуся, просто угораздило родиться в маленьком холодном посёлке среди сопок и леса. Бабушка и дедушка испугались ответственности за школьницу — они часто ездили торговать овощами и фруктами — и решили, что родители лучше справятся с моим воспитанием. Когда они рассказывали эту историю, я на этом месте нервно смеялась.

Но вернемся к чтению. В октябре меня отправили в поселковую школу. Надо сказать, что там всегда не любили новеньких. Но это я уже потом поняла, а в почти 7 лет мне показалось, что я какая-то особенная белая ворона. Иначе как объяснить поведение моей учительницы? На первом же уроке она заставила меня читать на весь класс. В этот момент я

сотворила невероятное чудо: стала читать слова по буквам. И так обрадовалась, что я их наконец-то различаю, что не поняла, чего это надо мной смеется весь класс.

Учительница дирижировала этим хором буллинга и стыдила меня за то, что до сих пор не умею складывать буквы в слоги. При этом сама она не собиралась открывать мне тайну идеального чтения. Это упало на плечи родителей.

Моя мама не получила педагогического образования, не работала в школе и вообще впервые решала подобную задачу. Она выбрала всем известный метод, но только без пряника — в конце 90-х их было не достать. Первые минуты я никак не понимала, ну как же объединить эти дурацкие буквы между собой:

— Н. О. Н. А. Н. Е. — лепетала я в родительской спальне.

— Но! На! Не! — исправляла меня мама.

Кажется, моя детская головка сообразила, что из этой неотопливаемой комнаты я выйду либо умеющей читать, либо не выйду совсем. И где-то через полчаса я укротила алфавит и уже достаточно бойко читала по слогам.

Современные психологи могут поругать людей из моего окружения за то, что они сломали мою психику, — делали они это часто, упоённо и очень талантливо. Но надо признать факт — мамин подход придал невероятное ускорение моим нейронам.

Это не спасло меня от вредной училки — после зимних

каникул она отправила меня домой и сказала больше не приходить на уроки в её класс.

Вот так я прослыла второгодницей, хотя меня никто не оставлял из-за неуспеваемости — просто выгнали. Но маленькие дети вряд ли разбирались в тонкостях образовательной системы.

В сентябре 1997 года я в третий раз пошла в первый класс и попала к учительнице, о которой в младшей школе мечтают и дети, и родители.

В благоприятной и безопасной атмосфере вернулась моя природная любознательность и желание учиться новому. В конце учебного года я участвовала в конкурсе красоты, где всех юных принцесс спрашивали, какая у них любимая книга. Я, конечно же, сказала, что это «Букварь». Ни одна книга не оставила в моей душе столько воспоминаний и эмоций.

Мы не видим в умении читать ничего особенного и ценного: оно давно стало необходимой базой каждого человека. Прочесть название вывески, сообщение в мессенджере, смешной мем в соцсетях, вакансию на сайте — всё это важно для банального выживания в информационном обществе. Для меня же знание букв стало ключом ко всему, что есть в этом мире. Из-за него я получила возможность прочесть миллиард разных историй и выйти за рамки поселкового мира, где мне было тесно. Маленькая девочка читала и напол-

нялась силой знания. Оно стало для неё невидимой опорой в моменты грусти, отчаяния и одиночества. Оно привело меня туда, где я сейчас.

Глава 2. Стихи-стишочки, или почему я не Цветаева

Литературоведы обожают строить гипотезы о смысле авторских произведений, а ещё предполагать, что повлияло на великих творцов. Я не собираюсь стоять памятником в Пушкинском сквере, да там уже и занято, но на всякий случай облегчу работу критикам и филологам. На меня большое влияние оказали книги, в которых я пряталась от непростой жизни, библиотекарь и организатор школьных праздников Наталья Борисовна, а ещё отсутствующий отец. Последний относится к категории людей, которые взрастили столько гениев и дали такую прибавку в доходе психологам, что ими можно даже восхититься. Кто знает, вдруг это был хитрый план по воспитанию талантов. А если вышел просто несчастный человек, то это уже мама виновата, отцы, ушедшие за хлебом, тут не при чём.

Моего отца не было, когда я узнала, что он существует и даже печатался в газете, вырезку которой сохранила мама: забавно, что на обратной стороне было объявление о розыске каннибала. Моего отца не было, когда я писала первые робкие строчки, показывала их маме, подругам и учителям. Когда выигрывала конкурсы и декламировала свои сочинения

со сцены. И хорошо, что это было так. Потому что реальный отец оказался человеком, могущим одним словом убить всё то творческое, что зарождалось во мне в детстве. Однако я должна признать: когда мама рассказала, что он писал стихи, это будто развязало мне руки и дало импульс к творчеству. Но сначала я нашла идеалы для подражания.

Итак, мне восемь лет. У меня сменился третий учитель, а дома — кавардак из развода родителей и подрастающей пятилетней сестры со склонностями к криминалу. Маленькая Кристина искала, куда бы спрятаться от этой Санта-Барбары. Я уже поняла, что не очень люблю видеоигры. Тетрис надоел, тамагочи разочаровал, а на телевизор очередь. Получилось так, что только в книгах мне удавалось побыть наедине с собой и заодно отправиться в невероятные путешествия туда, где нет пьяных родственников и голодных 90-х.

Из первого прочитанного я лучше всего запомнила сборник вьетнамских сказок и большой томик поэзии Пушкина. Волшебный мир принцев и принцесс, невероятные чудеса и хороший конец с пиром да за свадебку — это всё было очень вовремя для меня. Чтение стало теплым одеялом моей души, а ещё увеличивало словарный запас и развивало воображение. Годам к одиннадцати я настолько впитала пушкинский гений, что начала подражать нашему всему.

А помогала мне в этом моя влюбчивая натура.

В моей голове осталось мало чётких воспоминаний из дет-

ства: всё в тумане и обрывках. И среди этой прерывистой облачности есть одно, казалось бы, будничное как у всех. Мне семь лет, мама взяла меня в гости к своей подруге. Мы с её сыном Ильюшей сидим на полу у телевизора в полумраке, из него слышится звук вертолета и ритмичные синты — это крутят клип «Агаты Кристи». Я ещё не знаю, как они круты и что потом таких музыкантов будет мало. Я вообще мало знаю. А потом томно замурлыкает Натали, и я, повторяя слова песни, накорябаю на листке красным карандашом «Я лублю тебя Иля». Кстати, что такое любить, я тоже не знала, да и знаю ли сейчас? Но слово-пароль открыло дверь в романтику, слово-заклинание околдовало маленькую Кристину. Я научилась плавать в сладких грёзах, и в этих круизах рождались слова и строки.

В младшей и средней школе я влюблялась пылко и до конца жизни. Длилось это где-то пару месяцев, а потом сосед по парте оказывался «идиотом», а интересный новенький превращался в типичного старенького.

И хотя в шесть лет я уже целовалась с соседом Васькой в кустах малины, малейшая симпатия меня обезоруживала. Я смущалась, пялилась на расстоянии, жаловалась подругам, рыдала и писала стихи. Пушкин мной бы гордился. Или бы подал в суд за слишком очевидное подражание (хотя сам-то, сам!). Выставляю на ваш суд:

*Любить тебя — одно страдание:
Мечтать в ночном благоухании,
Лить слёзы горькие в подушку.
Лишь только разум шепчет мне на ушко:
«Ты не люби его, забудь, забудь
И выбери себе удачней путь».*

Забывать? Но как? Забыл б я,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.